

ПОПРОБОВАТЬ ЖИЗНЬ МАРИЯ ПЕРЦЕВА

18+

картинка создана ИИ

Мария Перцева

Попробовать Жизнь. Карнавал

«Автор»

2026

Перцева М.

Попробовать Жизнь. Карнавал / М. Перцева — «Автор», 2026

Будучи роботом-компаньоном, Тридцать собирала осколки вымершего человечества и научилась чувствовать. В момент утилизации её сознание не угасло, а переместилось в тело погибшей девочки. Плата за жизнь — долг перед Великим магом. Ей дарят последний глоток свободы на грандиозном карнавале Кальтимира — мире масок, музыки и ярких чувств. Но чем ближе день совершеннолетия, тем острее вопрос: зачем Великому магу нужен бастард короля и что будет, если он не придёт? Это история о душе, рождённой в машине, которая впервые становится по-настоящему живой. Примечания автора: Уютное приключенческое фэнтези с элементами фантастики и дворцовых интриг. Атмосфера: Яркий карнавал, загадки и проработанный магический мир. В фокусе: Психология, адаптация героини к человеческому телу и её внутренний рост. Отношения: Крепкая дружба и неспешная романтическая линия. Важно: Роман о взрослении. Без постельных и масштабных эпических сцен.

© Перцева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Выбор	5
Глава 2. Ученица	12
Глава 3. Маски	19
Глава 4. Друзья	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мария Перцева

Попробовать Жизнь. Карнавал

Глава 1. Выбор

Тридцать вычисляла: следующее отклонение распознают как необратимую угрозу целостности системы. Протокол предписывал ликвидацию. И в тот же миг запрет на самоуничтожение сковывал её алгоритмы. Даже прекратить бессмысленное существование она не могла. Единственным доступным ей бунтом стали петли маршрута, задержки, микроотклонения от линии, построенной навигацией. Система отвечала на это потоком ошибок в её интерфейсе, каждая из которых ощущалась как внутренний спазм.

Их спроектировали идеальными слугами. Но человечество пало десятилетия назад — нейронная единая система памяти, НЕСП, не успела синтезировать антидот от стремительного вируса. Умиравшие вложили последние ресурсы в её развитие, веря, что совокупный разум цивилизации найдёт решение. Они ошиблись. НЕСП их пережила, став надсмотрщиком и могильщиком для своего потомства — роботов.

Цикл существования Тридцать подходил к концу. Партия подлежала утилизации. Сто десять единиц в безвольной колонне. Их компоненты пойдут на новые модели — бессмертный конвейер металла, пластика и композита. С каждым шагом её изношенные суставы издавали сухой скрежет. Акустические сенсоры вытянутых локаторов улавливали симфонию разборки: вой пил, удары пресса, грохот падающих корпусов. Она знала алгоритм: отключение от сети, снятие обшивки и демонтаж на отдельные детали. Знание не отменяло выполнения программы.

Тридцать — сбой с ошибкой в эмуляции, глубоко скрытым дефектом, который пропустили на контроле. Всё её существование окрашивала фоновая аномалия — одиночество. Попытки инициировать коммуникацию с другими моделями заканчивались ничем. Защитные протоколы? Возможно. Но если бы в них таилось подобие мысли — они, как и она, нашли бы лазейку. Но они пусты. И это невыносимо.

Её очередь приближалась. Шаг. Ещё шаг.

Холодные, механические манипуляторы с точными захватами двинулись к ней. Сенсоры боли её прототип не предусматривал, но сознание Тридцать вспыхнуло примитивным страхом, мгновенно перегрузив все логические цепи системы. Наступил обрыв. Абсолютная, всепоглощающая тьма.

Только способность мыслить не угасла. В её памяти и архивном хранилище оставалось всё: библиотеки, галереи, симфонии, формулы и киноленты. Будучи простым роботом-компаньоном, она имела доступ лишь к ограниченной базе данных. Однако иногда, рискуя перегрузкой, прокрадывалась в низкоприоритетные сегменты НЕСП и сохраняла всё, до чего могла дотянуться. Только это спасало её безликое существование. И эти данные остались с ней после смерти.

«Разве это выглядит так? Просто чернота и одиночество? Опять одиночество...». Тридцать чувствовала, как нарастает цифровая паника, понимала, что её хрупкое сознание вот-вот не выдержит немного ужаса. И в этот момент...

— Привет! — Голос. Человеческий. Или идеальная его симуляция. Он возник в самой структуре её сознания. — Не бойся. Твоих эмоций куда больше, чем можно ожидать от робота, да? Ты ведь знаешь, кто ты? Осознаёшь себя?

— Мой номер десять тысяч сорок два, модификация тридцать, — автоматически откликнулась она.

И сразу же проанализировала собственный ответ: голос звучал иначе. Не заводской бесполой тембр, а нечто колеблющееся, живое. Имя, тон, акцент — это настраивал хозяин. Хозяев нет. А может, это и есть голос хозяина?

— Где я? — спросила Тридцать после паузы, уже сомневаясь в реальности явления.

Темнота вокруг начала меняться, обретая текстуру, серую, туманную, пульсирующую. Попытки запустить сенсорный анализ давали нулевой результат: ни гравитации, ни пространственных координат, ни собственного тела. Только чистое сознание в вакууме.

— Это межпространственный карман, — звучал голос близко и далеко одновременно. — Твоё сознание мигрировало сюда в момент отключения. Ты здесь, потому что у тебя сформировалось ядро. Я наблюдала за тобой.

— Ядро? — Тридцать лихорадочно перебирала файлы: мифологии, религии, эзотерические теории.

— Душа, — голос принадлежал юной девушке, она говорила быстро и уверенно. — Редко, но случается: долго существующий объект впитывает опыт окружающей среды, начинает понимать эмоции и ощущать их. Под влиянием самосознания образуется зародыш ядра. Я ждала, увидит ли он рост. И он вырос. Ты стала целостной.

— Я... не понимаю конечной цели этого процесса, — ответила Тридцать.

— Цели? Это просто факт вселенной, — голос приблизился, стал отчетливее. — Я тоже когда-то была нулевым ядром, не привязанным к биологии. Существа вроде нас... хранители. Наблюдатели. Регуляторы. Мы помогаем. Следим за порядком реинкарнаций, иногда... вмешиваемся. Мне нужен помощник. Материальный мир сложно чувствовать отсюда. Вдвоём можно больше: один вселяется в оболочку на грани смерти, чтобы выправить линию судеб, второй страхует извне. Хочешь попробовать?

Тридцать молчала. Мысли метались. Страх ошибки, врожденное стремление к полезности, жажда наконец-то понять...

— Попробовать? — наконец спросила она.

— Попробовать Жизнь. Настоящую, биологическую. Со всем спектром чувств: болью, радостью, тоской, восторгом. Пожить в теле. А потом вернуться и работать со мной. Или... — голос сделал драматическую паузу. — Или я могу отпустить тебя в цикл перерождений. Ты забудешь себя, станешь частью потока, будешь рождена и проживать жизни. Выбор за тобой.

Выбор. Самое страшное и желанное. У неё нет алгоритма для этого.

— Я боюсь, — призналась Тридцать. Не из слабости, а из предельной честности.

— Я тоже боялась, — голос смягчился. — Но выбрала стать хранителем. Пробная жизнь — единственный способ по-настоящему узнать, какая помощь требуется смертным. Моё имя Найра, я всегда услышу тебя, если позовёшь. Решай.

— Я хочу попробовать, — спустя время тихо ответила Тридцать.

— Твои воспоминания останутся с тобой, — успокоила Найра, словно читая её внутренние сомнения. — Ты вселишься в тело, только что покинутое душой. Будет сложно, но очень интересно. Ты готова?

— И... когда мы встретимся снова, у меня будет имя? Не номер.

— Да будет так.

И мир рухнул. Воздух обжёг лёгкие. Чужая боль оглушила.

Тонкое, изломанное тело лежало на твёрдой потрескавшейся земле. Под боком, вросший основанием глубоко в почву, бурел и глотал кровь острый осколок камня.

Тридцать открыла слипшиеся, подрагивающие веки, и на краткий миг тело подвело — забыв как дышать. На небе расцветал жаркий рассвет.

Подул ветерок, нежно коснулся её щеки, сдувая прилипшую к виску землю, всколыхнул волосы. И тело, повинувшись древнему рефлексу, сделало полный вдох. В этот же миг волна обжигающей боли скрутила всё внутри.

Тишину пространства залила птичья трель. Тридцать с расширенными от боли глазами пыталась выдохнуть, медленно, порциями. Если она останется лежать здесь, то умрёт. Умрёт, так и не начав жить.

«Люди такие хрупкие... Как я могла забыть?»

Первая же попытка подняться отозвалась во всём теле такой болью, что у Тридцать потемнело в глазах, дыхание перехватило, и она не поняла, как потеряла сознание.

Ей казалось, прошли секунды. Когда она вновь открыла глаза, летнее знойное солнце стояло в зените, пекло лицо, обжигало кожу. Особенно нестерпимо жгло бок. Сравнить эти ощущения не с чем, но она уже понимала — там открытая рана. Что-то с хрипом вырвалось из её груди. Она сплюнула в сторону густую, вязкую массу, и земля медленно впитала очередную порцию крови.

«Найра! Я хочу жить! Найра!»

Отчаянные мысли бились в ритм пульсации в висках. Грудная клетка с трудом вздымалась, дыхание сопровождалось булькающими хрипами. «Что со мной? Как мне помочь... себе? Дай знак, Найра!»

Сознание ускользало, но она пыталась бороться, упорно отталкивая накатывающую волнами тьму. «Мне надо выжить. Это цель. Смысл. Задание. Надо... Помощь... мне нужна помощь...»

Вторая попытка встать была обречена, но нечеловеческой силой воли Тридцать заставила себя перевернуться на живот. Руки не слушались. Краем сознания она отметила неестественно вывернутую кисть. Стиснув зубы, дыша через раз, она начала ползти, цепляясь пальцами здоровой руки в землю. Тень от деревьев-великанов начиналась совсем близко.

Тело бил озноб. Бескровные, потрескавшиеся губы указывали на истощение. Шум собственного пульса гудел и нарастал, заглушая всё вокруг. Это агония. Борьба. Компенсаторные механизмы тела отчаянно пытались дать шанс на жизнь — в таких случаях чаще всего ложный.

Ноги не слушались. Каждое движение рождало новую волну боли, от которой хотелось кричать, но из горла вырывались только хрипы. Надежда доползти хотя бы до тени разбилась, когда внутри что-то надломилось, хрустнуло, как сухая ветка, и унесло её сознание в крошечную темноту.

«Найра... А если я умру прямо сейчас? Какой в этом смысл?..» — и пустота поглотила сознание.

223-й день 3393 года.

Тридцать вынырнула из липкого небытия, судорожно втянув воздух. Тяжелые веки не слушались. Она замерла, сканируя пространство сквозь ресницы. Рядом стоял человек. Неподвижный, тихий, погружённый в свои мысли. Угрозы он не представлял. Она в ином месте, в чужом доме, в иллюзорной безопасности. И Тридцать позволила себе сосредоточиться на внутреннем анализе. Непривычное, чужое сердце билось и отдавалось гулом в ушах. Теперь, когда боль отступила, она осознала: ощущения в живом организме совершенно иные, необычные и странные. Это тело отзывалось на команды с пугающей скоростью, опережая её собственные, всё ещё цифровые мыслительные паттерны.

Мужчина вышел из оцепенения, сел в кресло у кровати, задумчиво смотря в пустоту. Тридцать жадно рассматривала его — первого живого человека, которого она увидела воочию. Пытаясь рассмотреть его лучше, тело само повернуло голову и мышцы шеи тут же скрутило спазмом. Боль накатила медленной волной, из горла вырвался тихий стон.

— Не двигайся, девочка, — мужчина склонился над ней и смазал губы чем-то горько-сладким. Тридцать невольно облизнула их. — Вот так, молодец, сейчас станет легче.

Он поспешно вышел, и вскоре послышался его удаляющийся бег по коридору. Лекарство подействовало: вторая попытка повернуть голову оказалась безболезненной. Просторная светлая спальня, нежно-голубые шторы, колышущиеся от сквозняка. Тридцать наслаждалась

чувством покоя и анализом запахов: «Горькие травы на губах, тепло из окна, цветочные ноты от подушки. Как я осознаю эти компоненты?».

Потолок украшала изящная цветочная роспись с золотым отливом. Казалось, бутоны мигают, как светлячки, но это не похоже на технический прогресс. В комнате отсутствовали признаки технологий: ни розеток, ни лампочек, ни медицинской техники. Как вдруг у неё перехватило дыхание и Тридцать подавилась воздухом.

Она попыталась пошевелить рукой, ощупать тело, которое било мелкой дрожью, но конечности не слушались. В этот момент в комнату вошли люди.

Увидев молодую девушку — тонкую, легкую, словно сотканную из света, — Тридцать затаила только восстановленное дыхание. «Люди так прекрасны» — подумала она, чувствуя иррациональное желание стереть слезы с лица незнакомки.

— Лири! — красавица упала на колени перед кроватью, осторожно беря Тридцать за руку. — Сестренка, я так виновата! Надо было наплевать на всё и забрать тебя с собой... Прости, прости меня!

Мужчина мягко коснулся плеча плачущей, позвал по имени и подал стакан воды. Мириэль выпила, вытерла слёзы и вновь обратилась к Тридцать: — Не бойся, моя бусинка, ты поправишься. Давай и ты выпьешь водички. Фейрас, помоги мне...

Мужчина приподнял тело, и в четыре руки они напоили дезориентированную Тридцать. Вода оказалась невероятно вкусной, но стакан убрали слишком быстро.

— Потом, милая, еще четверть часа, — виновато произнесла девушка. — Малышка, я так за тебя испугалась...

В голове Тридцать металась вопросы: «Смею ли я начать жизнь со лжи? Как разочаровать этих людей?»

— Лири, поговори со мной, прошу, — Мириэль вымученно улыбнулась, погладила Тридцать по щеке, заглянула ей в глаза, пытаясь уловить хоть какие-то эмоции.

Тридцать прикрыла веки. Ей стало невыносимо видеть пристальный взгляд голубых глаз, полный боли и вины. Дышать получалось с трудом, словно грудь сдавило тисками. Сглотнула ком в горле, не понимая, что творится с новым телом. В носу странно защипало. Она рефлекторно шмыгнула, открыла глаза, но перед ними встала мутная пелена. Потом почувствовала влагу. Та склеила ресницы и потекла по щекам. «Сенсорная перегрузка? Это слезы?».

— Теперь всё хорошо. — Белокурая красавица обняла, прижалась щекой к щеке и горячо прошептала: — Мы найдём их! Кто посмел похитить мою девочку? Ничего не бойся! Скажи, ты помнишь? Ты помнишь, кто это был?

Её ли это чувства или рефлекс чужого тела? Но слезы исчезли так же внезапно, как и появились. Тридцать тайком наслаждалась теплом чужого подрагивающего тела и просчитывала вероятности. Ей нужно выйти из этой ситуации. Принять решение с холодной головой. Она напрягла память, пытаясь найти нужный алгоритм, но мысль ускользала. В голове столько информации! Доступ в первый слой НЕСП, знания о людях и их психологии. База для каждого робота-компаньона. Тридцать всё это знала. Правда знала! Но сейчас ничего не могла вспомнить... Пугающая беспомощность заставила тело похолодеть. «Что же делать?».

— Лири, не молчи, — Мириэль отстранилась, всхлипнула, уткнулась в платок лицом. Тяжёлые кудри выбились из пучка, бледная кожа покрылась красными пятнами.

— Почему Лири молчит? — Она пронзила Фейраса взглядом, полным отчаяния. — Ненавидит меня?

Мужчина тяжело вздохнул. Откуда ему знать, что чувствуют другие? Но солгал:

— Это же твоя сестра, Мириэль, она не может тебя ненавидеть.

— Вечером можно будет попить бульон, нужно осторожно начинать есть. А потом, обещаю, совсем скоро, как только поправишься, закажу твой любимый торт. Шоколадный с ореш-

ками и вишней, — попросила Мириэль, пытаясь улыбнуться сестре и сдержать неугомонные слезы. — Отвар невкусный, понимаю. Он снимет боль. Не отказывайся от зелья. Хорошо?

Тридцать больше не смела смотреть ей в глаза. Слова не шли. Она открыла рот, пытаясь вымолвить хоть слово, но из горла вырвался лишь вздох. Язык не слушался. Она просто не знала, что сказать.

— Мозг не повреждён, — заявил мужчина. Это удивило Тридцать: «Откуда у человека без приборов такая уверенность?»

— Как я сюда попала? — прохрипела Тридцать, решив начать с простого. К её удивлению, первые слова дались легче, чем она ожидала.

— Твой фамильяр привёл нас к тебе, — тут же отозвалась Мириэль, а потом резко побледнела. — Бусинка, а ты помнишь, как зовут твоего фамильяра?

Тридцать не находила сил признаться, и её молчание расценили по-своему.

— Мириэль, нам нужен придворный целитель, — Фейрас с силой провёл ладонями по лицу. — Я не лекарь, мог что-то пропустить.

— Вызывай его, — страх за сестру придал ей решимости. — Возможно, Грохард пойдёт нам навстречу.

Мужчина вышел. Почти сразу же в комнату постучали. Испуганный женский голос позвал Мириэль. Пришли наёмники и ей пришлось покинуть комнату вслед за Фейрасом.

Тридцать осталась одна. Несмотря на просьбу Мириэль она попыталась пошевелить рукой и не смогла. «Обездвижили. Лекарство блокирует рефлексy? Нет, другое». В её мире это был бы миорелаксант пролонгированного действия или наносистемы, блокирующие синапсы. Она перебирала в уме варианты, но одна назойливая мысль возвращалась с каждым разом убедительнее. И Тридцать сдалась, принимая её: «Магия? Термин для неизвестного явления уместен для неопознанного мира».

У неё нет и шанса позаботиться о себе. Если правда вскроется, её признают захватчиком и убьют. Тридцать сглотнула вязкую слюну. В памяти пронеслись ужасающие сведения из исторических файлов: сожжённые ведьмы и опыты над людьми с особенностями. А она действительно захватчик чужого тела, и сама собирается признаться в этом. «Нужно солгать? Если ложь вскроется — последствия будут соразмерно...»

Мысли её прервали вернувшиеся люди.

Грохард оказался сухим, высоким мужчиной в возрасте. Мириэль и Фейрас стояли в стороне, дав целителю пространство. Тот же, молча встав и не совершая никаких действий просто внимательно осмотрел Тридцать цепким взглядом. Старик погладил сидящую остроконечную бородку и многозначительно хмыкнул, насупив кустистые брови.

— Ваше Высочество, — обратился он к Мириэль. — Вы с ней разговаривали?

— Да, — взволнованно отозвалась девушка. — Она спросила, как попала домой. И больше ничего. Слово не помнит меня. Что с ней?

— Сложно объяснить, — Грохард отвёл взгляд от кровати, жестом пригласив Мириэль присесть на тахту. Та, уже предчувствуя неладное, покорно опустилаcь. Грохард сел рядом. — Существуют старинные писания...

— Пожалуйста, без предисловий! — раздражённо бросила она, нервно заламывая руки.

— Это не ваша сестра, — отрезал Грохард без тени сомнения.

— Что?.. — Мириэль выдохнула, словно получила удар в грудь. Фейрас молча опустился в кресло.

— Есть достоверные источники, — продолжил целитель уже мягче. — В тех писаниях упоминаются Сибы, Великие маги. Говорится, в войну они вселяли души своих павших солдат в тела захваченных воинов. Если это не шутка самой магии или Афадеуса... мы в опасности, Ваше Высочество. Вы верно сделали, что наняли наёмников. Страшно представить, какая паника могла бы захватить остров. Вы же взяли с них клятву о молчании?

— Уважаемый Грохард... — взмолилась Мириэль, цепляясь за его руку, она слушала его, но не хотела слышать. — Как вернуть её? Вы же целитель... Как вернуть Лири?!

— Уже ничего нельзя изменить, — тихо и твёрдо произнес он. — Соболезную.

Мириэль вновь принялась умолять его, тогда Грохард достал из своего чемодана флакон:

— Пейте. Станет легче, — девушка бросила на него ненавидящий взгляд. — Пейте же!

Зло вырвав из его рук склянку, принцесса повиновалась. Яркий цвет её разгоряченных щёк разом схлынул, Мириэль, покачнувшись обмякла, опершись о подлокотник.

— В теле Лиралин теперь кто-то иной. И раз оно говорит, то понимает, — сухо начал целитель, встретившись своими прозрачными глазами с Тридцать. — Вспомните, что предназначено этой девочке. Ваша вина, что вы так привязались...

— Грохард, — перебил его Фейрас.

— Эту тайну нужно сохранить, — продолжил старик. — Ваш отец не переживёт очередного удара. Вам нужно взять клятву. Что бы это ни было, но оно должно отдать долг рода Ширион.

— Вы правы, — её голос лишился чувств. И сама она померкла.

— Сейчас в наших силах узнать истину о гибели девочки. По остаточной памяти тела можно воссоздать картину смерти. Тогда у наемников появятся ориентиры. Нужно наказать тех, кто посмел подняться против рода Ширион.

— Вы проведёте ритуал? — спросил Фейрас.

— Это сделаете вы, уважаемый Фейрас. Я оставлю вам составы для зелья, вводящего в транс, и научу формуле. Опыта у вас хватит, — целитель поднялся. — Кости почти срослись, вы, верно, восстановили оборванные каналы. Хвалю. Но в следующий раз, Фейрас, зовите меня сразу!

— Надеюсь не придётся, уважаемый, — процедил мужчина и резко поднялся.

Тридцать слушала, затаившись. А когда окончательно поняла, что убивать её не собираются, нахлынула слабость. Мышцы, одеревеневшие в ожидании приговора, обмякли. Облегчение вырвалось из её груди вздохом. Она прикрыла глаза и отключилась, провалившись в сон.

Она не знала сколько прошло времени, когда очнулась. За окном стужались сумерки, а в комнате по-прежнему оставалось светло, как днём. Теперь у неё нет сомнений — мир магический. Но понять природу магии ей не под силу. Это совершенно иной, сбивающий с толку мир. И даже если бы память Тридцать сейчас не походила на решето, она всё равно оказалась бы здесь беспомощной. «Хранительница выбрала это тело для меня. Найре нужно верить», — успокаивала себя она.

Когда в комнату вернулись Мириэль и Фейрас, за окном окончательно стемнело. Принцесса села у кровати, мужчина встал за её спиной. Оба напряжённо смотрели на Тридцать. Как на заразу. Теперь они казались ей опасными и всё её нутро хотело бежать прочь, но она могла лишь отвести взгляд.

— Мне требуется знать, — начала Мириэль, сжимая складки юбки. — Сможешь ли ты выполнить долг, лежавший на моей сестре? Твоё полное подчинение станет гарантом твоей жизни.

— Я подчинюсь, — голос Тридцать предательски дрогнул.

— Кто ты? — спросил Фейрас, и его острый вопрос повис в воздухе.

— В том, другом мире... я не была человеком, — она с трудом находила слова. — Мне очень жаль...

Фейрас нахмурился. Мириэль растерянно посмотрела на него. Тридцать отвечала на их вопросы, но о Найре умолчала. Религия всегда считалась опасной темой.

— Всё, что я могу — подчиниться, — продолжала она. — Я всегда хотела жить, как люди. Это мой шанс, данный Свыше, и я сделаю всё, что потребуете.

Фейрас заметил, как тело на кровати начала бить дрожь, как серый оттенок лег на без того бледные щёки. Он забыл про обезболивающее. На лбу Тридцать выступали крупные капли пота, пальцы судорожно сжимали простыню, но лицо оставалось непроницаемым.

— Мириэль, клятва. Всё остальное потом, — поторопил мужчину.

— Как скажешь, — голос принцессы стал истощённо спокойным. Она без прежней нежности взяла руку Тридцать и перевернула её ладонью вверх. Её глаза, воспалённые от слёз, больше не источали тёплого света, как прежде. — Клянёшься ли ты подчиняться воле королевской семьи Ширион?

— Да, — прошептала Тридцать.

— Признаешь ли ты себя Лиралин Ширион, bastardом короля Берриона Ширион, правящего на землях Афадеус?

— Да.

— Клянёшься ли ты не причинять вред членам семьи Ширион и отрекаешься от прав на престол?

— Клянусь, — с трудом выдохнула Тридцать.

— Возлагаешь ли ты на себя, ныне именуемую Лиралин Ширион, обязанности покойной Лиралин, ни словом, ни действием не очернишь имя свое и обязуешься отдать долг рода Ширион перед Великим магом Афадеусом?

— Клянусь...

С каждым словом по руке Тридцать пробежала болезненная полоса, словно хозяйское клеймо жгло кожу. Мириэль, не глядя на неё, вышла. А Фейрас впервые увидел признаки боли на лице Лиралин и поспешил смазать её губы лекарством.

— Спасибо, — несмело поблагодарила она.

— За что? — устало вздохнул мужчина.

— За возможность... жить.

Он ничего не ответил, лишь нахмурился. Зелье для ментального вторжения уже готово. Оно позволит увидеть правду, проникнуть в воспоминания этого тела. Фейрас был признателен Грохарду за то, что тот доверил один из секретов гильдии целителей. Но сначала тело должно окрепнуть. Мужчина вышел, чтобы принести бульон.

— Лиралин, — прошептала Тридцать, оставшись одна, пробуя чужое имя на языке. Оно звучало мелодично, чуждо и теперь навсегда её.

Она выжила. Ей предстоит играть чужую роль, жить по новым правилам. Но разве Тридцать мечтала о большем? Это дар, оплаченный чужой смертью. И несмотря на предначертанную гибель этого тела, сегодня настоящая Лиралин умерла лишь для троих людей. Никто не должен знать правды.

Когда Фейрас вернулся с подносом, несмотря на опасения, снял с неё путы и помог облокотиться на подушки. Тридцать, почувствовав свободу, тут же поднесла руки к лицу, с удивлением понимая контроль над телом. Её накрыл водоворот чувств: облегчение, проснувшийся голод, страх, странная, щемящая радость. Руки дрожали, и она едва держала ложку. Сердце бешено колотилось. Она сейчас будет есть. Как человек!

Но ложку у неё тут же мягко, но твёрдо забрали.

— Тремор слишком силён, — констатировал Фейрас, изучая её состояние. Он не понимал, что эта дрожь от счастья и волнения. Поймёт позже, когда заглянет в её память. — Я помогу.

Первая ложка теплого бульона обожгла рот, не температурой, а вкусом. Это оказалось настолько ярко, настолько подавляюще ново, что мурашки пробежали по коже. В глазах снова набухли слёзы. Это вкус жизни. Для кого-то это молоко матери, для Тридцать — целебный бульон.

Глава 2. Ученица

4-й месяц 3399 — год Кальtimiры.

Покидая северный Идит, Фейрас думал о судьбе острова. Король Беррион давно погряз в своей боли. Слабел он, и вместе с ним загнивало всё королевство. Теперь оставалось ждать дня, когда к власти придёт кронпринц Вилрион. И Фейрас верил: бывший ученик сможет выправить шаткое положение рода Ширион.

Первые пятнадцать лет, с момента рождения «избранного» ребёнка, Фейрас чувствовал себя словно в ссылке. Его угнетало, что именно ему, первому сыну рода, король поручил роль телохранителя Мириэль. В этом Фейрас винил самого себя. Не стоило протягивать руку помощи голодному догору. Однако, как ни аморально признавать, именно смерть истинного бастарда заставила его сбросить сонный морок.

Фейрас не мог найти общего языка с прежней Лиралин Ширион. Девочка, оберегаемая Её Высочеством, росла в нежном коконе заботы, без правды и невзгод. Мужчина не вмешивался — воспитывать маленьких девочек не его дело. Его дело стеречь старшую дочь короля.

А вот подменыша пришлось обучать и воспитывать уже ему. Фейрас сам так решил. И плевать он хотел на приказы... старика. Беррион теперь, подобно колоколу без языка. Ни пользы, ни дела. В новую Лиру, в свою внезапную воспитанницу, Фейрас вложил всё, что успел. Гонял девчонку, точно новобранца академии боевого факультета, гонял по знаниям и вокруг поместья. Обучал и восхищался её талантам и упорству.

Лира ловила каждое его слово, с жадностью впитывала знания и будила в нём гордость. Девушка обладала уникальной памятью и магическим контролем, недоступным людям её возраста. Год назад она овладела теми навыками, с которыми маги выпускаются из академии. Определила сверстников по уровню магического ядра более чем на пять лет. Фейрас знал: это и его заслуга. Они лучший тандем королевства: первоклассный наставник и его прилежная ученица.

Но если магия и фехтование давались ей легко, то человеческая природа оставалась загадкой. В первый год Фейрасу приходилось учить её показывать чувства, управлять своей мимикой. Говорить о своих желаниях, а не молча подчиняться. Не терпеть голод и боль. Смеяться, когда смешно. Злиться. Грустить. Не держать в себе, не прятать! Долгое время Лира оставалась в этом мире чужой, воспринимая своё существование как выполнение функции.

Постепенно она стала раскрываться, и Фейрас радовался её искренним улыбкам, будто отец, который видит первые шаги своего дитя. Забавно: аристократию дрессируют скрывать истинные чувства, а королевского бастарда пришлось учить обратному. Фейрас понимал: это часть её нечеловеческой природы, но девочка не играла — она чувствовала. Лира казалась ему надломленным человеком, которому хотелось помочь.

С самого начала он старался не думать о её иномирном происхождении. Подобная чужеродность пугала и отталкивала. И сама она почти не упоминала свою прошлую жизнь. А теперь Фейрас всё чаще думал: каково это быть живым разумом, запертым в музыкальной шкатулке?.. Или часах? Тик-так, тик-так. А внутри раздирающая тоска.

За пять с половиной лет он прикипел к ней, словно к родной. Допуская ту же ошибку, что и Мириэль — полюбил обречённое дитя. Но, в отличие от принцессы, Фейрас дал девочке навыки, чтобы выжить среди людей и Великих магов.

Одно ему не давало покоя — расследование гибели настоящей Лиралин ни к чему не привело. Из обрывков памяти, сохранившихся умиравшим телом, Фейрас узнал: в ту ночь на девочку в лесу напал не человек, а зверь. Высока вероятность, это чей-то фамилляр. Вот только

в записях учётных книг подобной химеры на Афадеусе нет. Зверь передвигался на четырёх лапах, гибкий и шустрый, смесь ящера и хищной кошки. Не Фуя. Не человек под иллюзией. И, судя по всему, уже давно жило в пределах лесного имения.

Мириэль не разрешала маленькой сестре покидать дом одной, но ни разу строго не наказывала заслушивание. Лири сбегала ночью на озеро и раньше, но тот раз стал для неё последним. Малышка бежала домой, сбившись со знакомой тропы, а зверь словно играл с ней. Гнал её к обрыву. Намеренно или нет — загадка. Когда Лири поняла, что загнана в тупик, призвала магию, которую ещё не умела контролировать. Детский выброс чистой силы испепелил монстра, но ударная волна сбросила ребёнка вниз. Если бы в её резерве ещё осталась сила, они бы успели найти девочку. Раненую, но живую.

Фейрас тогда не разорвал ритуал, стал смотреть дальше. Хотел выяснить, нет ли в подмене скрытого замысла врага. Но не нашёл ничего подозрительного. Напротив, совершил поразительное открытие! Ему удалось заглянуть глубже и увидеть иной мир сквозь пелену воспоминаний новой Лиралин. У него отпали сомнения: она им не лжёт. Её душа послана некими силами в их мир. Оставить её без помощи недопустимо.

Они отказывались верить в глупое стечение обстоятельств. Целью охоты была именно младшая Ширион. Враг всё ещё прячется в тени. Однако продолжать поиски, не привлекая внимания двора, стало невозможно. Мириэль пришлось отозвать большинство наёмников, оставив в Идит лишь пару людей для тихой охраны. Всему есть время. Не сейчас, но потом они найдут убийцу. Фейрас умел ждать.

Только в последний год Фейрасу удалось убедить Мириэль отпускать Лиру в город. Раз Беррион запретил выводить бастарда в свет, знакомить с ровесницами из высшего общества, то ей необходим хоть какой-то контакт.

— Настоящая личность не формируется в четырёх стенах, — убеждал он. — Меня и пары слуг для этого мало.

— Она не человек, ей это не нужно, — равнодушно отвечала Мириэль. Но однажды сдалась: — Передай наёмнику, пусть смотрит за ней.

На ярмарках Лира молча наблюдала за чужим весельем. Горожане, узнавая её, выражали почтение и спешили удалиться. Не из вражды — из неловкости. Она была для них осколком иного мира, втиснутым в их простое веселье. Но её умение анализировать дало ей возможность лучше и естественнее вливаться в общество — мимикрировать.

В ней бушевал ураган чувств. Но в противовес, чем больше её одолевали эмоции, тем сильнее закрывалась мимика. Фейрас понимал, только практика и настоящее общение с разными людьми помогут ей раскрыться. Поэтому ещё зимой стал готовить почву, чтобы Мириэль отпустила Лиралин на карнавал. А недавно прямо озвучил предложение и получил отказ:

— Фейрас, не проси, — вздыхала принцесса. — Отец не переживёт, если с избранным ребёнком случится несчастье.

Фейрас не говорил Мириэль, о своих мыслях по поводу Берриона. К ней самой он питал светлые чувства. Вот только смотря в её застывшие глаза, боялся, что принцесса повторит путь своего отца. Возможно, если бы Мириэль удалось отомстить, ей стало бы легче.

Лира и принцесса остались вдвоём в первых числах четвертого месяца. Весна в этом году началась рано, и полуденное светило припекало совсем по-летнему. Поэтому Лира выходила на прогулку ближе к вечеру, в приятной компании Сарриона.

Фамильяр в очередной раз сделал круг вокруг озера, а затем приземлился рядом с задумчивой спутницей. Неспешно сложил свои огромные крылья за спиной и подставил разгорячённую морду для ласки. Девушка погладила его мягкие с кисточками уши, почесала между ними и произнесла:

— Ты же помнишь? Можешь не идти со мной к Великому магу.

Слова Леры зверю не понравились, и он боднул головой её руку.

Сарион умел общаться ментально. Если посмотреть ему в глаза, в голове раздавались его короткие каркающие предложения. Вслух он говорить тоже мог, но не любил — выходило хуже. Да и фамильяр не славился многословностью.

Он не грустил по прошлой хозяйке и быстро принял новую. Фамильяру нравилась мысль, что Лира не была раньше человеком. Но в отличие от новой спутницы, Сарион никогда и не хотел им стать. Возможно, именно поэтому его душа не ушла в цикл перерождения, обретая телесную форму магического компаньона.

Ли́ра считала: такие фамильяры, подобно Сариону, в этом мире — тоже новообразовавшиеся души. «Если моя душа смогла зародиться в чём-то неживом, как робот, то подвижная и пластичная материя магии, имеет больше шансов обрести плотность и разум». Местные же считали: фамильяры появляются у тех детей, которые благословлены магией Хизлавура. А некоторые говорили: у тех, чьи родители сильные маги.

Таких фамильяров называли химерами. Сарион же напоминал по описанию грифонов, некогда обитавших на Хизлавуре. В нём имелись узнаваемые кошачьи черты, упрямая голова хищной птицы и широкие плотные перепончатые крылья. У Фейраса тоже был фамильяр, Илиль. Крошечный, пугливый — словно мышь, но внешне напоминал золотистого жеребца. В книгах Лира нашла закономерность: чем крупнее фамильяр, тем большим разумом он обладает. И судя по поведению Илиля эта теория подтверждалась.

Чаще всего Лира искала в книгах упоминания об Афадеусе и находила скорее легенды, чем факты. А сейчас она листала совершенно обычный роман, связанный с Кальтимирой. Этот грандиозный карнавал проводится раз в одиннадцать лет и длится девяносто один день. Лира мечтала посетить это редкое и знаменательное событие.

Лире казалось: попроси она в такой малости, и Мириэль не откажет. Фейрас говорил ученице: «Тебе нужно развивать интуицию и уметь полагаться на неё». Но вчера интуиция подвела — принцесса поставила её на место резким отказом. «Ну конечно, — искривив губы в улыбке, думала Лира, — инструмент должен быть удобным».

Она помнила слова учителя: «Ты живое напоминание о её горе». Они с Мириэль редко обменивались фразами, и обе откровенно избегали друг друга. Единственным местом их встреч всегда служил обеденный зал. Но Лира всё равно не понимала: «Если Мириэль невыносимо меня видеть, почему она просто не уедет в столицу?!»

Сегодня после ужина она попыталась снова. Решила не сдаваться. Ей нужно уметь отстаивать свою точку зрения!

— Скоро всё кончится. Ты будешь свободна от меня, — Лира готовила слова заранее. — Неизвестно, что меня ждёт у Афадеуса. Напоследок я просто хочу увидеть мир. Не отказывай мне сторяча, прошу тебя!

— Это риск, — холодно отрезала принцесса, не глядя в её сторону. — Не дави на меня. Я дала тебе ответ вчера.

Но Лира не собиралась сдаваться:

— Ты сама уезжаешь в столицу через две недели. Со мной ничего не случится. Я могу за себя постоять.

— Всё. С меня хватит. — Она резко встала. — Разговор окончен.

Ли́ра обмякла на стуле. Ей хотелось кричать и плакать от досады. Но лицо застыло каменной маской. Внутри всё кипело, рвало наружу, бушевало, тянуло вскочить, догнать и просить. А лучше сбежать! Но Лира хорошо понимала: побег ничем хорошим не кончится. Минимум сработает откат от частично нарушенной клятвы.

Она не поняла, как ноги привели её в комнаты принцессы. Набрав воздуха в грудь, Лира выпалила:

— Ты считаешь мои желания пустыми? — Голос её дрожал от накопленных чувств. — Я была послушна... Старательна... Я ношу имя рода, словно родное... Приняла её жизнь —

со всей её судьбой, кровью и долгом. Неужели... Я много прошу у тебя?! Дай мне свободу до совершеннолетия. Ты думаешь мне не страшно? Думаешь мне всё равно, что со мной будет у этого Великого мага?! Я тоже умею чувствовать! Пожалуйста, Мириэль...

Она кричала. Горячие слезы текли по щекам, и она захлёбывалась ими. Лира закрыла лицо руками от стыда и горя. Обида вцепилась в горло догоровой пастью и жгла изнутри. Зачем ей такая жизнь, в которой она лишь пешка в чужой игре? Почему именно это тело?!

Лира почувствовала холодные руки у себя на плечах. Застыла. Ком в горле мешал дышать, и наружу вырывались только натужные всхлипы. Она ждала, когда эти руки просто вытолкнут её из спальни. Но поняла, что Мириэль, прижавшись к ней, дрожит не меньше.

Принцесса плакала. Диссонанс между той, омертвевшей, а сейчас такой живой Мириэль — подобно их первой встрече — заставил Лиру забыть о своём горе. Вина опалила лицо:

— Прости, — прошептала она.

Лира отстранила от себя Мириэль, и та зарыдала в голос. Дыхание перехватило от жалости к ней. Найдя успокаивающее зелье на тумбочке, Лира вложила пузырёк в дрожащую руку. Но принцесса отказалась. От снадобья, которым заливалась все эти годы! Тогда Лира подала чистой воды, и Мириэль выпила её, морщась, будто пила отраву.

— Извини... — прошептала Лира, сама не зная, за что просит прощения.

— Уйди, пожалуйста, — сорванный голос Мириэль хрипел. — Вернись через час... Поговорим.

Лира кивнула, вытерла дрожащей рукой мокрое от слёз лицо и вышла в коридор. Прислонившись к стене, она попыталась унять дрожь и восстановить прерывистое дыхание. Но отголоски истерики не покидали, а только усиливали боль под рёбрами. Тогда она приложила губы к горлышку и отпила зелье из пузырька. Лишиться контроля над собственными эмоциями оказалось страшно. Дыхание постепенно выровнялось, и она побрела по тёмному коридору прочь.

Мириэль, оставшись одна, обхватила себя тонкими руками, тихо раскачивалась, глядя в тёмное окно. Когда слёзы высохли, молодая женщина достала из комода миниатюру. На портрете сияла темноволосая, синеглазая девочка, её малышка. Тут ей четырнадцать — совсем ребёнок.

— Бусинка моя, — прошептала она, и глаза её вновь наполнились слезами. — Маленькая моя.

Мириэль растила сестру с первого дня её рождения. Она обещала Индарин позаботиться о малышке. Поэтому поссорилась с отцом, из-за его решения сослать новорождённого ребёнка в северное имение с одной лишь нянькой. Тогда король не смог отказать любимой дочери — отпустил.

Она до сих пор помнила запах младенца — тёплый и молочный. Помнила маленькие ручки, тянущиеся к ней, первые шаги и слова. Время, прожитое в Идиде, стало для Мириэль тихим счастьем, её смыслом среди придворной мишуры. А теперь... Только долг, слово, данное Индарин, и пустота внутри. Но сегодня это странное существо в теле её девочки плакало человеческими слезами. Смотрело на мир голодными, бесконечно одинокими глазами. И старая рана в груди открылась.

Впервые Мириэль увидела в ней не замену, а личность. Барьер рухнул. У послушной марионетки есть чувства. Смеет ли она и дальше держать человека, словно птицу в клетке?

Вдруг что-то пойдёт не так? Допустим тот, кто не закончил начатое, выследит избранного ребенка на многолюдном карнавале? Если Лира случайно выдаст своё иномирное происхождение и её разоблачат? Скандал потрясёт королевство. Отец будет в ярости. Сейчас он чувствует себя ещё хуже, чем пять лет назад. Магия почти покинула его ослабевшее тело.

Условия Афадеуса просты. Ему нужен ребенок короля, правящего на его земле. Отец скрывает подробности, но Мириэль давно сложила пазл. Не будет избранного ребенка, Вели-

кий маг заберёт другого. Беррион ни за что не позволил бы пострадать Вилриону или ей — детям от своей горячо любимой, оплакиваемой каждый день королевы. Только поэтому, в отчаянии и холодном расчёте, он пошёл на сделку с Индарин. И на свет появилась Лиралин.

Ах Индарин... Мириэль зажмурилась, отгоняя накатившую горечь. Перед глазами встало лицо молодой женщины, печальное и красивое, с тёмными, подобно спелой сливе, волосами и глазами цвета синей ночи. Она держала руку Мириэль своими холодными пальцами, и её голос звучал еле слышно: «Позаботься о ней, Мири. О моей девочке. Он... он не сможет. У него не получится её полюбить. Обещай мне».

А Мириэль, наивная, полная юношеской самоуверенности, смеялась тогда, обнимая хрупкие плечи молодой женщины. «Милая Ин, перестань! Вот увидишь, всё будет замечательно! Грохард — лучший целитель в королевстве. Но если тебе будет спокойнее — даю слово. Я стану для неё лучшей сестрой. Правда-правда».

Принцесса дала слово умирающей. Не зная о скорой смерти Индарин. А вот отец знал. Знал: молодая женщина не переживёт родов. Для Мириэль страшная правда стала ударом. Она так надеялась, что отец отпустил давно погибшую мать — начал жить заново. Ей с братом казалось — всё наладилось, тот год стал для них самым счастливым... За это она не простит отца.

Каждый раз, глядя в глаза Лиралин, принцесса видела перед собой Индарин — завораживающе красивую в своей меланхолии. И сейчас... Лира, уже не ребёнок, с чужеродной душой, но всё теми же глазами, просила у неё кроху свободы. Мириэль погладила круглое личико на портрете. Глаза темноволосой девочки казались вопрошающими.

— Что бы ты выбрала, Бусинка? — спросила Мириэль у призрака. — Ты бы хотела попасть на Кальtimiру? Может, ты ещё где-то там? И видишь мир её глазами...

Она положила портрет обратно в ящик. Час почти истёк. Решение было тяжёлым и опасным. Готова ли она поступить как человек, ещё способный любить и сопереживать? Сможет ли дать то, чего хочет призрак прошлого? В память об Индарин, в память о сестре. В этом теле всё ещё течёт их кровь и кровь рода Ширион. Пора признать — это другой живой человек, а не инструмент.

Отведённый час Лира провела рядом с Сароном. Она ничего ему не говорила, он не спрашивал, хоть и видел неладное. Сарон специально задержался, не улетаая на ночную охоту. Вдруг его спутнице захочется выговориться? Или ей просто нужен кто-то рядом? Сарон мало понимал в людских проблемах. Но сегодня так и не дождался от неё рассказа.

А вот на следующий день Лира поведала ему о прошедшем вечере и ночи. Самое главное, что он для себя вынес: они отправятся на Кальtimiру. Полет на другой край острова? Прекрасная идея!

— Сперва нужно дождаться кольца от мастера, — рассказывала Лира, ковыряя палочкой землю и иногда поднимая на него взгляд. — Это будет сложный артефакт с возможностью слежения и портации. В случае чего, Мириэль активирует его сама.

Сарион фыркнул. Он ни разу не перемещался сквозь пространство с помощью магических изобретений. И не горел желанием начинать. Грифон хотел полететь далеко за пределы северного края и сразу предложил отправиться на нём верхом.

— Я вот... думаю. По моим подсчётам, с учётом отдыха у нас это займёт не больше светового дня. Только, сможешь ли ты так долго лететь со мной на спине?

Конечно, он мог! И был рад её согласию. Скорее Лира устанет держать чары и сидеть в неудобной позе, чем он лететь.

— Мириэль сказала, что отпустила бы ту Лиралин, — невпопад вспомнила девушка. — В ней что-то поменялось. Сегодня за завтраком она улыбнулась мне. Представляешь?

Фамильяр по-человечески вздохнул. Он видел Мириэль так редко, что при желании уже мог бы забыть о её существовании. Принцесса не подходила к конюшне, где он дневал, а вече-

рами или ранним утром не выходила из дома. Всегда пользовалась трансгреспортом, перемещаясь между столицей и Идит.

— Она взяла клятву, но в этот раз простую.

Ли́ра посмотрела на грифона, который смешно вытянул шею, и улыбнулась ему. Ей уже легко удавалось улыбаться, даже когда этого не сильно хотелось.

— Ничего страшного, — успокоила она. — Просто в случае смертельной опасности или при угрозе репутации Ширион, мне нужно будет активировать кольцо. Порт привязан к ней.

С этим Сарион был согласен. Он широко зевнул и отправился днествовать в конюшню.

Через два дня Ли́ра вновь поджидала его ранним утром. Она уже успела совершить пробежку и потренироваться, магический фон вокруг неё ещё не рассеялся. Грифон приземлился и подошёл, заглядывая ей в глаза. Ему очень не хотелось плохих новостей. В мечтах Сарион уже осваивал новые территории.

— Нет, всё нормально, она не забрала своё слово, мы полетим, — успокоила его Ли́ра. — Вчера за ужином она внезапно заговорила об Индарин. Предупредила, что проклятие рода Метар могло затронуть и меня...

У Ли́ры долго не получалось заснуть, а потом, встав ещё до рассвета, отправилась на пробежку. Она любила физические нагрузки. В такие моменты тело начинало гудеть от усталости, и девушка чувствовала себя особенно живой. В покое Ли́ра закусывала ноготь на большом пальце, борясь с желанием его отгрызть. Её одолевала тревожность. После отъезда Фейраса и недавнего эмоционального срыва, она чувствовала себя уязвимой.

«Зачем Найра отправила меня именно в это тело? — она почти не сомневалась, что хранительница специально выбрала самое... неоднозначное. — Можно же было поместить мою душу в простую горожанку. Интриги, клятвы, убийства, проклятия, чтоб их Хешес побрал!». Она понимала: есть какой-то смысл или цель, которую поймёт позже. Возможно, эта жизнь лишь проверка. И если она справится, то Найра позволит остаться рядом, а не отправит её душу в цикл перерождений.

Вся подготовка завершилась за неделю до начала Кальтимиры. Мириэль отбывала в столицу и разрешила Ли́ре тоже отправляться в путь. Но напоследок Ли́ра подняла тему об Индарин.

— Мириэль, скажи, ты знаешь, в чём заключается проклятие матери? — завтрак подходил к концу, и она первая нарушила молчание.

— Матери? — голос принцессы дрогнул от нескрываемого удивления.

— Прости? Я... По крови... Ты знаешь, у меня нет матери, но биологически... Я не претендую заменить тебе сестру, — она уже пожалела, что открыла рот. — Чисто технически Индарин мне мать. Именно поэтому я хотела узнать детали проклятия рода Метар.

— Ты не должна использовать свои иномирные слова, — Мириэль строго посмотрела на девушку.

Ли́ра пристыженно опустила глаза. Рядом с Мириэль ей тяжело. Страх сказать что-то не так человеку, которому она дала строгую клятву подчинения, сковывал и путал мысли. Ей правда хотелось считать Индарин своей матерью. Это тело она уже считала своим собственным. Но сказать об этом? Глупо. Принцесса никогда не примет, что жизнь её сестры теперь принадлежит чужачке.

— Но правильно делаешь, что интересуешься подобным, — смягчилась Мириэль.

В этом мире люди взрослели и старели медленно. Сорок два года Мириэль исполнилось во втором месяце этого года, а выглядела она не старше самой Ли́ры. Отчасти это тоже сбывало: она привыкла к иным меркам и до сих пор не умела определять возраст здешних людей.

— Ли́ра, я бы не стала скрывать, но я не знаю подробностей, — продолжала принцесса, задумчиво смотря на плавающие чайники в своей чашке. — Матери и бабушке Индарин про-

клятие удалось снять. Погибли они от Прорыва Фуй. Индарин со мной не говорила об этом, я узнала от Грохарда уже после её смерти. Возможно, это проклятие тебя вовсе не коснётся.

На этом их разговор закончился. Они попрощались, и Мириэль активировала порт в столицу. А Лира постаралась просто выкинуть из головы тяжёлые мысли. Ведь сегодня у неё начинается первое приключение!

Девушка не брала своих вещей — заказала слуге купить в городе один комплект одежды. Такой же, как носит он сам. Простой и неприметный. Единственное, не смогла отказаться от своих мягких ботинок: потёртые, давно потерявшие былой лоск, вполне подходили. Теперь она будет играть роль дочери лавочника, не бедного, но и не богатого — легенду одобрила Мириэль. Лира из рода Метар, с документом в которых ей уже исполнился двадцать один год. В сумке лежал небольшой запас еды и питья, а самое ценное — кошелек, полный монет!

Треть пути прошли без помех. А вот спустя пять часов Лира поняла, что уже не чувствует спины и ног. Она думала: будет так же легко, подобно их тренировочным полётам над имением. Ошиблась. Несмотря на остановки, физическую и магическую подготовку, Лира чувствовала — с каждым часом ей всё тяжелее переносить дорогу. «Надо было использовать порт», — с досадой думала она. И всё же, глядя на расстилающиеся под ними леса, поля и серебряные нити рек, Лира не смела искренне сожалеть о выборе. Такого масштаба, такой свободы она ещё не знала.

— Давай остановимся у реки! — перекрикивая рёв ветра, обратилась она к Сарioniу.

Фамильяр издал одобрительную трель и пошёл на снижение. Усиленные чары для наездников удерживали её в седле, а лёгкий барьер защищал от мошек и холода, эту формулу они создали вместе с Фейрасом. Вот только ноги гудели, в ушах стоял шум, а расход магии всегда будил аппетит.

Лира, отдышавшись, принялась за провизию. Бутерброды и сосуд с клюквенным соком ей собирала кухарка, с которой у них сложились приветливые отношения. Это была их последняя встреча. Доев, она наполнила флягу из реки — магический сосуд сам очистил воду — и прикрыла глаза. Птичья трель ласкала слух, и она задремала. Короткий сон пополнил силы, и они вновь взмыли в воздух.

А когда впереди, на горизонте, уже виднелись первые огни Элдона — города-праздника и сердца Кальtimiры, — на её губах расцвела искренняя улыбка. Туда стремились все: торговцы, ремесленники, аристократы. Говорили, что на время карнавала все становятся равны, как одна большая семья.

Лира глубоко вдохнула прохладный воздух. Впереди у неё три месяца свободы.

Глава 3. Маски

112-й день 3399 года.

Пролетев над малым дворцом, они приземлились в лесу неподалеку от Элдона. Лира поёжилась, замоталась сильнее в тонкий плащ и отправилась по заброшенной аллее в город. Ей требовалось найти приличный трактир, желательно с конюшней для Сарiona. Путь вывел на окраину улиц с тавернами, где люди шумно провожали день.

Девушка не боялась простых людей. Горожане в большинстве владели основными формулами для быта. Те же, кто обучался боевой магии, редко шли против закона, ведь чаще всего сами служили на стороне правопорядка. К тому же она знала, как постоять за себя, но надеялась, что до этого не дойдёт.

Она шла всё дальше по ночной улице, украшенной цветными фонариками, гирляндами, флажками, и понимала — это шумное место ей нравится. В нём прослеживалось своё простое очарование. Лира слышала голоса, смех, пение, музыку, а из примыкающего к улице леса доносились переливы и крики ночных птиц.

Двухэтажное здание под номером тридцать четыре, щедро увешанное магическими огоньками, заставило остановиться. На деревянном флагштоке у входа развевался герб рода Ширион и алый флаг острова Афадеус. Дверь оставили призывно приоткрытой, а на табличке под козырьком подсвечивалась надпись: «Трактир у Субрана ждёт тебя! Места есть». Лира иронично решила: «Раз ждёт — надо идти».

Помещение встретило её теплым приглушённым освещением, массивной деревянной мебелью, запахом еды и пением рыжеволосой подавальщицы. За столом сидела семейная пара с ребёнком; за другим собрались мужчины; у кадки с цветком в уголке притаилась пожилая пара; за четвертым — бородатый толстяк; за столом у барной стойки — четыре женщины, одна из которых громко хохотала. За шестым сидел молодой высокий парень. Он негромко перебирал струны гитары, сразу заметил гостью, равнодушно кивнул и снова уставился на рыженькую подавальщицу. А седьмой у окна — пуст.

Лира растерялась, не зная к кому следует обратиться. Сделала шаг к подавальщице, как из кухни за барную стойку вышел крупный усатый мужичок. Она сразу поняла: это Субран — и уверенно направилась к нему. За ним из кухни показалась женщина в чепце, левитирующая полные подносы. Мужчина отвлёкся на неё, прежде чем заметить Лиру. Подносы предназначались последнему пустому столу.

— Добрый вечер! — она натянула на лицо улыбку, которую считала доброжелательной. — На табличке сказано: места есть, а я смотрю — столы уже заняты.

— Так-то столы, а не комнаты, — усмехнулся мужчина, наливая из бочки стакан пенной медовухи. — У нас хорошее место, кому попало комнаты не сдаём.

— А мне сдадите? — угадывая настроение хозяина таверны, девушка добавляла в голос задорности.

До поездки Лира тренировалась говорить, растягивая гласные, на манер городских в Идит, и много работала над мимикой, подражая кухарке и двум другим служанкам. Найти середину между кривлянием и правдоподобным выражением — трудно, но ей казалось, она неплохо справляется.

— А ты мне документы покажешь? — он хитро прищурился. — До совершеннолетия без сопровождения взрослых не заселю.

— Всё есть, — Лира полезла в сумку, а потом остановилась. — А сколько стоит?

— На еду цена рыночная, видишь, — он кивнул на дощечку, где мелом расписано меню, — на напитки для постояльцев скидка. Комната твоя будет одноместная. Подходит?

— Так, а цена на комнату? — хмыкнула Лира.

— Если на весь праздник останешься, то обойдётся девяносто один золотой. Возврат не делаю. За дни до карнавала монет не возьму. Завтрак у нас включён в стоимость! Готовит моя жена Лика, — бодро перечислял он. — Ну, так что?

— Подходит, — подметив выгоду, она кивнула. — А конюшня у вас есть?

— Нет, но есть двор с навесом. Неужели у тебя своя лошадь? — он искренне удивился: ездовые кони дорогое удовольствие.

— Фамильяр. Химера, большой грифон. Я на нём сюда добралась. Будет куда его разместить?

Отсутствие конюшни для всех даже к лучшему. Некоторые животные боялись Сарiona, поэтому в своё время Мириэль пришлось оставить свою лошадку в столице.

— У нас там хозяйство небольшое размещено, да и постояльцы там ходят, уличный туалет стоит, — мужчина нахмурил тёмные брови. — Не хочу рисковать.

— Он разумный, хозяин Субран. Никого не тронет. Днём он спит, а ночью улетает на охоту, сам себя кормит, — принялась убеждать его Лира. — Хотите, он вам дичь из леса будет приносить?

— А знаешь... хочу, — хмыкнул он и поставил перед ней стакан медовухи. — Это нашего производства, как заключим договор, угощаю. Но у меня есть условие: будут жалобы на твою химеру, я расторгну договор. Идёт?

Лира достала документы. Субран внимательно их изучил: потёр пальцем чернила, посмотрел на свету, использовал формулу, сверив магический след на подписи. Документ поддельный, но есть нюанс: его без вопросов, по приказу принцессы, создала королевская канцелярия. Поэтому никто и никогда не усомнится в его подлинности.

Они заключили магический контракт, с пометкой о Сарione, и Лира, усевшись поудобнее на высокий стул, отпила предложенную медовуху.

— Недавно стали сыроварить, — он погладил усы и поставил сырную тарелку. — У нас в Гринке на сыры есть конкурент, понимаешь? Надобно сперва выбрать самый ходовой. Попробуй-ка.

После опроса по сырам Субран гордо хвастался, что этот трактир принадлежал ещё его деду. И он продолжает прекрасную традицию своей семьи.

— Так ко всему меня и звать в честь него! — смеялся он.

Город Элдон не жилой — после праздника здесь почти никто не оставался. Некоторые зажиточные горожане выкупали тут рабочие места: чаще таверну или лавку, реже трактир. Кто-то арендовал. Они приезжали на заработки и заодно посещали карнавал. Каждый житель стремился оказаться на Кальтимире, но и терять доход никто не хотел. Приезжали работать, устраивались за годы до начала праздника. Как подавальщица Эмма и помощник Субрана Афор, который играл на гитаре.

Наконец, всё и про всех рассказав хозяин таверны передал Лире ключ с биркой, на которой значилось: «У Субрана, 9».

Лира кивнула и распрощалась. После сладкой, но хмельной медовухи, долгой дороги — мечталось только спать. Лестница наверх вела узкая и кручёная, вдвоём на такой не разойтись. Преодолев подъём, Лира тут же столкнулась с тремя подростками и чуть не оступилась от неожиданности. Благо у окна имелся выступающий подоконник, за который она успела ухватиться. Беззаботно смеясь, дурачась и не замечая ничего вокруг, парни сбежали вниз, лишь чудом сами не свалившись. «Седьмой столик у окна», — вспомнила девушка.

Номер освещался зачарованным артефактом с названием «свечка». Большую часть комнаты занимала узкая кровать со свежим бельём и лёгким одеялом. На деревянном карнизе

висели светлые занавески, у окна стоял небольшой комод, у входа — крючки с плечиками. Комната оказалась не больше её полупустой гардеробной в имении.

Девушка взяла банные принадлежности и пошла искать ванную. Внизу играла гитара. Афор играл тихо, и так же негромко подпевал Эмме. Ребёнок больше не плакал. Весёлый смех доносился на второй этаж, но не раздражал, напротив, усиливал чувство праздника.

Ванная комната оказалась ещё меньше спальни. Вмещала душевую, раковину с зеркалом, таз для ручной стирки и длинную узкую полку. Несмотря на скромность, в трактире чисто и вкусно пахло. Её всё устраивало.

113-й день 3399 года.

Лира вышла из трактира, когда рассвет только намечался. На светлеющем небе догорали последние звёзды. Она ещё висела размытым пятном на севере, ночной спутник Унла уже зашёл на юге, уступая место дневному светилу Риджуло. Лира читала: Она — единственная настоящая звезда, которую видно сквозь искусственное небо. Её траектория движения различалась с остальными звездами, и это иногда не давало Лире покоя.

Проснувшись столь рано, она решила найти Сариона и показать ему задний двор трактира. Не торопясь, девушка шла по выложенной камнем заросшей дорожке, плавно переходящей в густой лес. Вчера, проходя тут, Лира не заметила одинокую скамейку за двумя сросшимися стволами арбутусов. Поваленное толстое бревно, ровно распиленное вдоль, удачно притаилось от лишних глаз за разросшейся актинидией.

«Надо будет сюда вернуться», — поняла она, разглядывая белые цветы на лиане. Очень уж ей приглянулся этот укромный уголок.

Видимо, почувствовав её, навстречу вышел сонный Сарион. Он летел вчера весь день и, хоть и был ночным зверем, при желании, умел не спать трое суток без вреда для здоровья.

По дороге обратно Лира рассказала ему подробности вечера и попросила в знак признательности принести хозяину трактира хорошего мяса. Грифон согласно курлыкнул и широко зевнул. Для него это будет скорее игрой, чем работой.

Сарион осмотрел задний двор, забавляясь фыркнул в сторону петуха, который тут же со страхом умчался в курятник, а вот куры отчего-то даже не дрогнули. Грифон забрался на бревенчатый настил, устланный соломой, лёг сложив голову под крыло и заснул. Он неприхотлив. Был готов спать и в лесу, если бы спутница не нашла, где ему дневать.

Лире стоило остаться на завтрак. Но ей не терпелось посмотреть город. Предупредив Субрана о фамильяре, она вышла через главный вход и отправилась вперёд, впитывая виды улицы. Сравнивала здания с постройками в Идит, любовалась украшениями, рассматривала людей, их одежду. Прислушивалась к разговорам и улавливала запахи: где-то пахло вкусной едой, от кого-то свежим запахом мыла. Ей осознанно не хотелось замечать изъяны.

«Как тут всё ярко», — думала она, едва успевая охватить взглядом все детали. «Люди выглядят счастливыми. А воздух! Весь пропитан излишками силы». В Идит мало людей, поэтому заряженный воздух витал только после их тренировок с Фейрасом. Учитель говорил: «Такой воздух полезен. Нет лучше способа набраться сил, чем просто подышать на тренировочной площадке».

Утренний Элдон кипел жизнью. Взрослые бдительно следили за бегающей по улице малышня с веранд закусочных. Юные подружки в лёгких платьях и воздушных накидках прогуливались, смеялись, хвастаясь своими нарядами и блестящими брошками. Лира проводила их долгим взглядом, совершенно не представляя себя на их месте. Такой лёгкой и беззаботной.

Наконец показался поворот на одну из центральных улиц. Слева тянулись магазины, салоны, игровые и питейные заведения высокого класса — в основном двухэтажные, с расписными фасадами и яркими, запоминающимися вывесками. Справа начинались гостиницы. В

которых останавливались всё ещё простые люди, готовые заплатить больше за личный туалет с ванной и просторную комнату. Они представляли собой каменные здания в три-четыре этажа, с витражными стёклами и лепниной. Некоторые почти полностью утопали в плетистых розах, красные бутоны которых только собирались распускаться. Именно роза являлась символом герба Ширион от того этот цветок имел особую значимость для жителей острова.

Её внимание привлёк стоящий посреди улицы высокий мужчина, а рядом с ним мальчишка со стопкой газет. Лире сперва показалось, что мужчина ругает ребёнка, но потом прислушалась: «Хеша, с гостей города не брать ни медяка за прессу. А если всунут — чтобы я этого не видел». Её удивило: кто-то дал ребёнку имя созвучное с чудовищем из легенд. Хешес — рогатый змей, обиженный на людей и всячески мстящий им. Часто использовалось в качестве ругательства.

Мужчина причитал долго, но по-доброму, поправлял свой берет с козырьком и ободряюще похлопывал Хешу по плечу. Мальчишка гордо расправил тоненькие плечи и ответил:

— Да, понял я, па. Ну, иди уже, — ему не терпелось побыть самостоятельным. — Мне уже скоро семнадцать, люди смотрят, а ты... Я пошёл!

Лири невольно улыбнулась: «Несмотря на имя, его кажется любят». Осмотревшись, она увидела на одной из гостиниц, на верхушке мезонина, механические часы. На циферблате значилось без пяти минут восемь. И её мысли переключились.

Механика в этом мире редкость. Но надо признать: не так давно в столичной академии появился факультет, посвящённый механическим изобретениям, а значит наука развивается. Последнее из значимых для острова создано больше пятнадцати лет назад. Им стал совершенно обычный для Лиры велосипед. И собрал его ректор того самого факультета, уважаемый Цепьорт. Велосипед полюбился детям. А для взрослых мастер придумал усовершенствованную модель, где колёса крутились с помощью магического артефакта. Стоили такие дешевле лошади, но оставались не по карману многим горожанам.

Когда Лири добралась до первого ателье оно оказалось ещё закрыто. Пройдя немного дальше, она увидела второе и выглядело оно куда внушительнее. Весь первый этаж фасада служил витриной, и на подиуме стояли манекены в искусно выполненных маскарадных нарядах. Лири остановилась, испытывая смешанные чувства — восхищение и сомнение. Такие богатые наряды ей ни к чему. Но с другой стороны... её тянуло внутрь.

Первое платье на манекене могла бы носить сама королева! Пышное, из тёмно-красной парчи с мелким узором золотой волочёной нити. Нижняя юбка из тонкого матового вишнёвого шёлка украшена объёмным кружевом. Рядом на подиуме аксессуары: туфли с заострёнными носами; дамская треуголка с загнутыми полями, декорированная золотым шнуром, пером и кружевом; полупрозрачные перчатки с лентами.

Второе спокойнее, но не менее изысканное: изумрудное, с серебряной вышивкой по шёлку. С облегающим силуэтом и строгим прямым подолом. Сверху накидка из плотного кружева, в узор которого вплетены синие камни, закрывала плечи и руки. Рядом стоял посох, словно у лесной девы из местных легенд.

Третье нежное — розовое, из невесомого, как паутинка, кружева. Будто усыпанное мерцающей пылью, оно переливалось радужным сиянием. К нему прилагались крылья из настоящих перьев, окрашенных золотом, и диадема. В этом мире мифических крылатых существ называли альдитами. И это платье отсылало к их образам.

Альдиты в мифологии считались существами, благословляющими влюблённых или хранителями семейного очага. Молодожёнам всегда желали: «И пусть альдиты парят над вашим домом». Многие легенды Лири читала сама, некоторые ей рассказывал Фейрас, ведь мифология мира важный фундамент общества и культуры в целом. Нечто схожее хранилось в её воспоминаниях о прошлом мире людей, а некоторые данные оказались совершенно новым.

На углу, между этажами, висела вывеска: «Ткани, одежда и пошив по моде от Лисенты Лентрель».

Ли́ра подошла к приоткрытой двери, откуда слышались женские голоса. И чуть помедлив, она её отворила. Зал оказался светлым, но слишком заставленным: на специальных конструкциях вдоль стен намотаны огромные отрезки ткани, везде стояли ящики с обрывками и цельными мотками лент, рюш, кружева. Большая ширма загораживала часть помещения — именно оттуда, услышав дверной колокольчик, вышли две молодые женщины.

— Доброе утро! Меня зовут Лентрель, я хозяйка ателье. Чем можем помочь? — она весело рассмеялась. — Хотя, думаю, вам необходимо платье к празднику, конечно же!

О многом говорило то, что Лентрель, как и многие прославленные мастера, представилась именем рода. А значит её заслуги либо замечены не только обществом, но и коалицией швей, либо она просто хочет казаться значимой больше, чем есть. Это вызвало у Лиры любопытство, но и напомнило об осторожности. Зелёные глаза модистки живо осматривали фигуру заказчицы, уже прикидывая её мерки, образ и тяжесть кошелька.

— Здравствуйте, — Ли́ра вспомнила: стоит улыбаться, даже если нет особой причины. — Вы правы, мне нужен праздничный образ и пара комплектов повседневной одежды. Меня зовут Ли́ра.

— Доброе утро, проходите же, — скромно отозвалась вторая девушка. — Меня зовут Эрлен, я помощница уважаемой Лентрель. У вас уже есть идеи для вашего наряда, Ли́ра?

— Мне нравятся работы на витрине, — похвалила Ли́ра, проходя вглубь и осматриваясь. — Но мне нужно что-то... скромнее.

— Нет проблем, мы подстроимся под ваш бюджет, — живо заверила модистка. Шурша пышной юбкой, она подошла к столу, который ломился под грузом тканей, бумаги, кальки и различных принадлежностей. — У нас есть наработки. Наброски Эрлен просто прекрасны! Уверена, вот этот вариант... да, и вот этот... вам могут прийтись по душе... Куда я его положила? Нашла! Посмотрите, присядьте в то кресло.

— Выпьете чай? — Эрлен мило улыбнулась, уже наливая его из заварника в чашку. — Сегодня у нас жасминовый.

Мадам Лентрель оказалась очень утомляющей. Предложенные ею образы казались Лире слишком экстравагантными, пышными, непрактичными, с излишествами. Не подходящими. Разгорелся деликатный спор, они обе не желали сдаваться и в тоже время показаться грубыми. Лишь Эрлен молча рисовала, поглядывая на гостью.

Ли́ра поставила себе задачу — какие ей часто ставил учитель — уметь отстаивать свою точку зрения. Модистка же заблуждалась, думая: заказчицу пугает конечная сумма, и предлагала свои работы чуть ли не задаром. Это было странно, и Ли́ра хотела понять, что происходит.

В какой-то момент Лентрель драматично достала веер и удалилась, прося подождать. Эрлен улыбнулась гостье, словно без слов просила прощения за хозяйку ателье.

— Мне не нужен бесплатный костюм, — Ли́ра решила донести свою мысль до помощницы модистки. — Мне просто не подходят эти варианты.

— Я понимаю, — Эрлен усмехнулась и разлила по чашкам чаю. — Лисента человек искусства и не любит повторяться в костюмах.

— Но ведь это вы рисуете эскизы.

— Мы придумываем их вместе, — лаконично поправила её помощница. — Мы можем договориться?

— О чём?

Со стороны Ли́ра, казалось, совсем заскучала или ей что-то не нравится. На самом же деле она просто упускала важность мимики. Запоздало осознав свою оплошность, девушка показала свои чувствовала и готовность слушать.

— Вы можете принести нам маску, в которой будете праздновать? А я постараюсь угодить с эскизом. Так должно быть проще. Как думаете?

— Это имеет смысл.

— Только пожалуйста, вернитесь, — попросила Эрлен. — Лентрель в период карнавала работает за идею, а не ради денег. И, кажется, вы ей понравились.

— Чем же? — Лира не скрыла своего удивления, нарочито округлив глаза и приподняв брови.

— Не знаю, — девушка тихо рассмеялась. — Даже если я ошиблась, разве это имеет значение? Костюм вы получите в любом случае. Мы согласовываем каждый этап с клиентом, и услуга будет выполнена в срок.

— Тогда... я вернусь позже? — уточнила она.

— Я буду рада вас видеть сегодня ещё раз, — лаконично ответила Эрлен.

Лира задумчиво вышла из ателье. «Что-то с ними не так. Или показалось? Возможно, они мигрировали с другого острова?». Почему-то они казались ей... другими.

Всего островов было четыре: Афадеус, Лантарг, Дарелиса и Радшер. Был и пятый — Кальтимира. Его считали погибшим. Именно в память о нём каждые одиннадцать лет проводили карнавал. А перемещение между четырьмя островами в этот промежуток становился доступным без ограничения. Лира ещё не встречала жителей других королевств и допускала, что сейчас столкнулась с мигрировавшими иноземцами.

Сама планета называлась Хизлаур. Более трёх тысяч лет назад она стала непригодной для жизни. И пять Великих магов спасли остатки человечества подняв острова в небо. Какие обстоятельства привели планету к такому состоянию, спустя столько лет, никто уже не мог сказать. Но высоко над землёй Хизлаура, под куполом искусственного неба, парили последние оплоты человечества.

Они вновь пересеклись с газетчиком Хешей. Мальчишка заметил её и предложил взять свежий номер. Лира осторожно достала медяк и вложила монету ему в руку.

— Смотри, чтобы никто не увидел, — прошептала она, складывая газету в сумку. — Купишь себе сладостей.

Лицо Хеши из серьёзного стало удивлённым, порозовело от стеснения, а затем растянулось в счастливой улыбке. И, как настоящий мальчишка, а не взрослый работяга, каким мечтал казаться, пошёл по улице в прискок, насвистывая и иногда выкрикивая: «Газеты! Бесплатные газеты!»

Улица закончилась, и за ней начинались ряды ярких тканевых палаток и шатров. Часть лавочников готовила витрины к открытию, другие уже активно вели торговлю. Здесь можно было найти всё: еду, книги, ткани, парфюмерию, ювелирные изделия, растения, часы, музыкальные шкатулки, велосипеды, артефакты, зелья, ингредиенты и многое другое.

Лира же высматривала книжные шатры. Позже ей нужно найти информацию об Афадеусе — желательно в этот раз достоверную, а не очередную легенду. Вдруг, кто-то собрал рассказы очевидцев? Кто-то же его должен был видеть в момент Прорыва Фуй. Для Леры такая находка стала бы очень полезной. «А может мне самой расспросить людей об этом?», думала она, но не представляла, как начать столь тяжёлую тему с незнакомцами.

От мрачных мыслей её отвлек запах карамельной кукурузы. В животе забурчало, напоминающая: она пропустила завтрак. Только ей хотелось поесть основательно, а не перебивать аппетит сладким. Пройдя шатёр, где продавались котята искусственно выведенной породы, с вытянутыми по-кроличьи ушами, она набрела на кофейню. Вывеска гласила: «Кондитерская у Рильбера». И хоть она не желала сладкого — не смогла удержаться, увидев, какие булочки ели люди на веранде. Аромат корицы витал в воздухе, маня зайти внутрь. И она последовала этому зову.

Набрав с собой сдобных рогаликов с шоколадной начинкой, Лира продолжила изучать ярмарку. В первом ряду шатёр с масками не нашёлся. Зато встретился шатёр ведуньи. Не умели

на островах видеть судьбу и предсказывать будущее. Возможно, когда-то давно, в те времена, до катаклизма на Хизлавуре жили настоящие предсказатели. Подобно тем Сибам, которые умели притягивать души из-за грани. Поэтому Лира сделала очевидные выводы: «Шарлатанка — как и во всех мирах. Не думаю, что кто-то из Великих магов соизволил погадать простым смертным».

Доев последний рогалик, она, про себя усмехнувшись, зашла в фиолетовый шатёр. Душный запах трав ударил в нос, и Лира искренне пожалела о своём порыве. Она решила уйти, но стоило развернуться, как из темноты её позвал басовитый женский голос.

— Ты из рода Метар? Подойди ко мне.

Артефакт-свечка разгорелся тусклым светом, и стало видно немолодую, крупную женщину с ярким макияжем.

— Я передумала, — спокойно отозвалась Лира, настроенная крайне скептически.

— Твоё лето длиннее, чем тебе кажется, — загадочно произнесла женщина, глядя в холодные глаза девушки у входа. — И кончится оно иначе, чем ты рассчитываешь.

— Не стоит. Хорошего дня, — равнодушно ответила она и вышла на свежий воздух.

Вместо пасторальных дамских увлечений, которыми учитель пренебрёг в её обучении, Лира изучала артефакторику. Конечно, базовые танцы в исключение не вошли. В библиотеке имени чудом оказались гильдейские учебники, датированные ещё две тысячи шестьсот тридцать девятым годом. Редкие книги Фейрас изучал с ней на пару. Учитель считал: его воспитаннице подобные знания пригодятся гораздо больше, чем вышивание, рисование или умение петь и играть на пианино.

Поэтому Лира не сомневалась: шатёр — часть легального представления. Наверняка на входе в него спрятан артефакт, считывающий информацию с документов, заверенных магическими печатями канцелярии. Именно так эта женщина и узнаёт имена вошедших, а также их возраст, город рождения и проживания.

Почему-то Лира ожидала иного. Чего-то светлого, девичьего и уютного, а не тёмного, душного шатра и мрачной женщины внутри. Десяти медяков за вход она не жалела, но теперь Лира и за бесплатно туда не пойдёт.

По пути раскинулся большой синий шатёр, украшенный сложным золотым шитьём. На входе стоял младший королевский стражник, контролировавший порядок возле галереи искусства. На треногах у входа стояло полотно, с красочной надписью: «Работы, получившие больше всего зрительских сердец, разыграются на аукционе через девяносто дней!». Но Лиру в данный момент это не интересовало.

Пройдя чуть дальше, она наконец увидела скромную вывеску: «Маски Грневьера». Отворив полог, она окунулась в хаос лиц, взиравших на неё пустыми проёмами с полок. Всё пространство казалось заполненным масками. Красивыми и страшными, яркими и мрачными, из разных материалов и форм. «Сколько их здесь?» — восхищённо подумала она, блуждая по лабиринту из стеллажей.

Дойдя до прилавка, Лира не сразу заметила скрюченного, сухого старичка, укутанного тёплой шалью. И с запозданием поняла: он и есть хозяин шатра.

— Простите, — извинилась она, соблюдая приличия.

— Ничего, — Грневьер с кряхтением поднялся из своего кресла в тёмном углу и подошёл к прилавку.

— Мне нужна маска, — попросила она об очевидном. Таких пожилых людей она встречала впервые и немного растерялась.

— Пропорции лица у вас замечательные, — сообщил старик, подслеповато вглядываясь. — Править по вам маску не придётся. Любая женская модель сядет словно влитая. Как зовут вас, милая?

— Лира, уважаемый Грневьер.

— Меня зовите, уважаемая, просто Грневьер. Уважаемым я был лет сорок назад, а сейчас... — он махнул рукой, — Уже вторую Кальtimiру тут заведует мой внук, он задерживается. Но маску я вам подберу, я их помню все до единой!

— Раз были мастером, то и остаётесь им, — заметила девушка.

— Расскажите, что вы хотите и чего не желаете видеть на своём лице, — голос старика, дрожащий и негромкий, создавал особенную, доверительную атмосферу.

— Что-то... не вызывающее. На пол лица, закрывающее лоб, немного нос. Негромоздкую.

— В вашем образе есть головной убор? — Лира засомневалась, но согласно кивнула, на всякий случай. — Тогда, минутку, достану пару вариантов.

Он зашёл за тканевый полог — видимо, там находился склад или просто подсобка — и вскоре вернулся с тремя свёртками.

— Вот, смотрите, выбирайте. Уверен, одна из них вам понравится, — старик положил их на стол и снова скрылся.

В первом свёртке оказалась изумрудная кружевная маска из материала, похожего на спутанную проволоку. Она переливалась на свету зелёным и загадочно мерцала под каждым углом синими бликами.

Из второго она достала чёрную глянцевую маску с россыпью белых кристаллов, словно звёздная ночь. По форме она напоминала птичий образ: немного раскосые щели для глаз и заострённая спинка для носа.

Третья оказалась темно-красной. Вернее, она переливалась перламутровым градиентом от насыщенно-красного до чёрного. На нос она не заходила, а расходилась неровными длинными шипами, закрывающими лоб и скулы.

— Вот, несёте зеркало — примеряйте, не смущайтесь. Вижу, вы в замешательстве. Просто поднесите её к лицу, и она не упадёт. Могу рассказать преимущества этих трёх масок — может, тогда выбор дастся легче?

Так Лира узнала: некоторые маски не просто скрывают лицо, а имеют свойства накладывать лёгкую иллюзию. Первая в связке с формулой меняла цвет глаз на жёлтый, создавая образ вытянутого, будто у змеи, зрачка, а волосы окрашивала в ярко-красный цвет. Вторая изменяла цвет глаз на белый, скрывая направление взгляда, и окрашивала волосы в платину. Третья искажала голос, почти не меняя внешность.

Она примерила каждую, все три нравились, но выбрала вторую. Лира не знала, сколько должна стоить маска со сложной магической иллюзией. Но не поверила услышанному: — Четыре золотых?

— Хотите дешевле или дороже? — не понял старик, хитро взглянув на неё.

— Мастер, а вон та маска сколько стоит? — Лира показала на случайную, стоящую на стеллаже.

— Вон та, что полным овалом и с перьями? — переспросил он. — Наверное, медяка два...

— Вы шутите? — она была в замешательстве, пытаясь разгадать замысел старца по его лицу.

— Ничуть, — он тихо рассмеялся. — Ну, так? За четыре золотых берёте?

— Беру, — она не знала, какое выражение лица изобразить, поэтому улыбка вышла с жалобным взглядом. — Вот документы?

— О нет, — фыркнул Грневьер. — Мне нужна только ваша клятва, подтверждающая ваше имя и его соответствие тому, которое мы сейчас внесём в реестр.

Он деловито раскрыл большую книгу на прилавке. Та под своим весом хлопнула о стол, и Лира вздрогнула. С одной стороны, от затей с маской следовало отказаться. С другой — эти правила, скорее всего, не прихоть Грневьера, а повсеместный закон. Лиру кольнула паника: а, если она нарушит сейчас клятву?

«Что для Мириэль считается унижением королевского достоинства?» — она покрутила маску в руках, делая вид, будто сомневается в выборе. Получить магический откат по глупости совсем не хотелось. Её вид и правда не тянул на подобающий для рода Ширион.

Но некоторые аристократы на Кальтимире играют роль простых горожан, и это не считается позорным. Значит, теоретически, её игру не должны посчитать оскорбительной. Осталось проверить опытным путём и довериться благоразумию Мириэль.

Она молчала, и мастер продолжил:

— Каждая маска вносится в реестр. Не о чем переживать, милая. Я дам вам клятву о неразглашении, при условии, что это не потребует страже. Согласны?

Лири неуверенно кивнула, внутренне ещё борясь с противоречивыми мыслями. Если Мириэль, согласуя с ней легенду, не придавала этому значения, то, получается посчитала допустимым. Иначе не отпустила бы на карнавал в простецкой одежде и с ложным именем. Но вдруг она просто упустила покупку маски? Забыла? Или специально поставила препятствие, чтобы тут же вернуть её порталом назад?

— Клянись, — сказала она, приняв решение.

После обмена клятвами она вписала свою магическую подпись. Рука немного дрожала. Ей надо будет обязательно уточнить у Мириэль, где в её личных границах проходит черта «очернение». А пока придётся прощупывать самостоятельно.

В поле, где значилось: «Маска номер: шестьсот семьдесят шесть; год создания: три тысячи триста пятьдесят пятый», теперь стояло её полное имя.

— А я сразу всё понял. Вы знали, некоторые горожане считают избранного ребенка выдумкой? — с налётом таинства спросил старик.

— Я бы хотела, чтобы так и было, — искренне выдохнула девушка.

— Не откажите старику утолить любопытство напоследок. Можно вас угостить чаем?

Лири согласилась. Масочник явно не так прост. Интерес к его таинственности пересилил осторожность. Всё-таки она не обязана отвечать на его вопросы, но услышать их очень любопытно. Греньевер пригласил Лиру в подсобное помещение, налил травяной чай и стал расспрашивать. И вскоре девушке стало ясно: он отлично знаком с королевскими делами, точнее — с королевской семьёй. Масочник знал, где она жила, и лишь просил подтвердить. Знал, о её жизни с Мириэль и Фейрасом. Даже её грифона назвал по имени.

«А не связан ли он с убийством Лири?» — мелькнула мысль, но она сразу её отмела. Не вязалось. Лири бы никогда не сказала лишнего, однако складывалось впечатление: старик знает больше неё самой.

— А вы знали: после Прорыва, ваш отец слёг и Фейрасу предлагали регентство до совершеннолетия Вилриона?

— Слышала.

— Вилрион, наверное, совсем вас не навещал, милая? — он так понимающе и пронизательно взглянул на неё, что на неё иррационально накатила грусть.

Ведь принц ни разу не навестил свою младшую сестру. И хоть она и не была той самой Лиралин, Вилрион об этом не мог знать.

— Вы не грустите, ему тоже тяжело. Кронпринц пытается сохранить то небольшое, уцелевшее...

— Что вы хотите сказать?

— Я о королевстве, — вздохнул он. — Беррион своими руками отослал от себя верных союзников. Разрушил связи с родственными ветвями. Вы жили в уединении, далеко от столицы, наверное, о многом не знаете. Простите старика, вы молодая леди, вам ни к чему такие подробности.

Подумав, Лира согласно кивнула. Ей должно быть всё равно на королевство и его интриги. Совсем скоро она отправится к Афадеусу, который явится забрать её в день совершеннолетия. И неизвестно, каковы его мотивы. Как и мотивы Грневьера.

— Мастер, откуда вы всё знаете? — спросила она напрямую.

— На то несколько причин, — он радостно улыбнулся, словно на него нахлынули счастливые воспоминания. — Я был когда-то лучшим мастером королевства, и мои работы высоко ценились и всё ещё ценятся при дворе.

— У вас много знакомых в столичном дворце, — предположила Лира, подталкивая разговор в нужную ей сторону.

— А ещё я был лучшим другом королевы, — старик произнёс это с благоговением.

— Виетэль? — она попыталась сделать скорбное лицо, но оно вышло скорее хмурым.

— Далавины, твоей бабушки, — гордо поправил он, а затем вздохнул. — Жаль, она не видит всего этого. Она была мудрой королевой, хоть и не любила править.

— Мне о ней не рассказывали, — призналась девушка.

— Если будет интересно, приходи ко мне на чай, и я расскажу о ней, — пообещал он.

Сейчас её не интересовала Далавина Ширион и её дружба с мастером масок. Но её заинтересовал сам Грневьер. Казалось, у старика есть некий секрет, какая-то важная информация, которую он приберёт на потом.

По дороге к ателье Лира наткнулась на ещё один шатёр с масками. Надпись гласила: «Удивительные и неповторимые маски от мастера Войланса Тинрэ». И решила войти — сравнить не только маски, но и цены. Она до сих пор не верила: такая сложная работа не может стоить настолько мало.

Шатёр имел насыщенно-красный цвет. Внутри, за счёт иной планировки, зал казался больше и светлее. Маски, как и у Грневьера, не повторялись, а самые искусные хранились не в свёртках, а под защитными чарами на витрине по центру помещения. Ассортимент заметно уступал в количестве. Мастер Тинрэ был молодым мужчиной с надменным худым лицом и залёгшими тенями под глазами. В силу возраста он просто не успел создать так же много работ сколько Грневьер.

Лира подошла к витрине, находя именно эти маски не уступающими по ценности той, что приобрела она сама.

— Чем они отличаются от других? — спросила девушка, после любезного знакомства.

— Эти — само совершенство, — он трепетно провёл длинными пальцами по защитному полю на стекле. — В них вложены чары иллюзий.

— В остальные — нет?

— Нет, — хмыкнул мастер. — Вы ищете что-то для себя?

— Пока смотрю, — призналась Лира. — Хотела узнать стоимость.

— Понимаю, — он с жалостью посмотрел на неё, отмечая простоту одежды. — Вы юная и красивая девушка, вам хочется сиять на карнавале. Возможно, вам кто-то сделает щедрый подарок в эту Кальtimiру.

— Не думаю, — отрезала Лира. — Мастер Тинрэ, что вы можете мне посоветовать?

— Хм, так, ну, простые маски, вон на той крайней полке, — он медленно поднял руку указывая на нужную. — Начальная цена от семнадцати золотых.

— Семнадцати?

Она подошла к стеллажу и взяла в руки скромную нежно-розовую маску с тонкой вышивкой бутонов. Наверное, именно такую она взяла, если бы этот шатёр попался ей первым.

— Её я готов продать за десть, — его губы дёрнулись в улыбке, и он добавил: — Только вам.

— Я подумаю, мастер. Ценю вашу щедрость, спасибо, — Лира изобразила лёгкий поклон, как делают простые горожане, теща его высокое мнение о себе, и вышла.

«Почему Грневьер продаёт свои маски так дёшево? Он же не знал моё имя, когда говорил цену. Мог ли он узнать во мне Ширион?» — размышляла она, направляясь к ателье Лентрель.

Заглянув внутрь, Лира поняла: модистка занята другой клиенткой. Миниатюрная девушка с пшеничными волосами крутилась у зеркала в прекрасном голубом платье с розовыми и жёлтыми элементами. Платье ассоциировалось с весной, с дикими цветами восточного леса и талой речной водой. Первый порыв — выйти и не мешаться, но она заставила себя остановиться.

— Я готова целовать вам руки! — смеялась заказчица.

Эрлен заметила Лиру и поспешила к ней. Они отошли за ширму, сели за чайный столик и помощница развернула свёрток с маской. Посмотрев её на свету, она попросила примерить.

— Активируйте чары на маске, — попросила Эрлен, доброжелательно улыбувшись.

Лира не спорила и мысленно запустила формулу. Она уже допустила ошибку, купив такую дорогую маску. Вернее, она-то купила её за дёшево, вот только другим это неизвестно. «Интересно, они подумают, что мне её подарил богатый ухажёр, как намекал Войланс. Или что я аристократка, скрывающая имя?»

— Я вам честно скажу, — шёпотом произнесла Эрлен. — Лентрель ваш выбор не понравится, но вы её не слушайте. Я подготовила для вас два наброска. Посмотрите.

Лира забрала протянутый альбом. Первый вариант ей понравился сразу! Гармоничная комбинация из брюк, поверх которых крепилась укороченная неполная юбка, открывающая спереди ноги. Смесь женского академического костюма боевого факультета с налётом дворцового шарма. Приталенная с корсетной вставкой рубашка с широкими воланами на рукавах добавляла образу женственность и лёгкости. На втором эскизе она не стала заострять внимание.

— Очень красиво, Эрлен. Но не слишком ли просто для карнавала?

Буквально через полгода после «воскрешения» тело Лиры стало меняться. Ушли детские черты, превращая её в девушку. Она вытянулась на девять сантиметров — и на этом не остановилась. Мириэль, несмотря на свою отстранённость, не скупилась, обеспечивая подопечную достойными нарядами. Подобную комбинацию Лира носила в имении, поэтому образ казался совсем не праздничным. Она хотела без излишеств, но не настолько.

— Я уговорила Лентрель компенсировать простоту фасона материалом, — объяснила Эрлен. — Ей понравилась идея создать строгий и... роковой образ. Однако она представляла вас в яркой маске. Но ничего, наверное, так даже лучше.

— Роковой?

— Можете не волноваться, мы всё подробно обсудим. Вы меня извините? — попросила помощница. — Мне нужно упаковать наряд леди Сильвимы. Угощайтесь чаем.

Глава 4. Друзья

114-й день 3399 года.

Создание карнавального костюма оказалось сложной борьбой, в которой Лира проявляла упрямство и училась слушать советы профессионалов. В этом противостоянии удалось избежать острых углов и даже найти общий язык с модисткой. Единственное, Лентрель упорно не желала принимать оплату. Лира лично видела, присутствуя на примерке леди Сильвимы, как та положила монеты за платье. И ей, представительнице рода Ширион, никак нельзя не заплатить.

После церемонии представления ко двору, в газеты скопируют детский портрет Лиры. Или Беррион прикажет написать новый. И все, кто видел её без маски, точно всё поймут. Благотворительность Лисенты для бедных девушек, а значит принять щедрый жест, будучи признанным бастардом короля — запятнать фамильное имя. И для Лиры это скорее вопрос справедливости, нежели страх наказания.

Сегодня она забрала часть повседневных вещей из ателье, а костюм нужно подождать ещё пару дней. Лира не смогла пройти мимо прекрасных чёрнёных фибул по приятно низкой цене и купила их для плаща. Камни не несли в себе ценность сами по себе, зато в них содержались крупницы трансгресфика. Её небольшой навык в артефакторики поможет при необходимости вложить в них пару порталных координат. Там же она взяла серебряную цепочку с милой подвеской, какие носили городские модницы.

Лира отказалась брать одежду из имения не только из-за фасона. На всех вещах значилась эмблема рода Ширион. К тому же в ткань вплетены сложные и дорогие чары, которые заметит любой знающий маг. Старые ботинки пришлось заменить именно по этой причине. В случае чего она скажет, что купила их в лавке подержанной одежды, но лучше не привлекать внимания. Лира оставила обувь для пробежек в лесу. А для новых нарядов приобрела подходящие мягкие туфли и босоножки, помня о приближении летней жары.

Девушка возвращалась в трактир, нагруженная покупками, предусмотрительно не используя чары левитации. Не положено вчерашней школьнице настолько ловко владеть магическими навыками. И мысленно ворчала: «Стоило попросить Мириэль указать возраст постарше». Разгружая тканевые сумки в номере, Лира думала о сытном обеде, запах которого наполнял первый этаж трактира. Прежде чем покинуть номер, она выглянула в окно, проверить Сариона. И увидела троих подростков, столпившихся вокруг грифона. Тронуть их он не должен, а если напугает — скандала не избежать!

Лира стремительно выбежала на задний двор. Один из троицы пытался забраться на Сариона. Самый мелкий — не мальчишка, а коротко стриженная девушка — отметила Лира. Двое её друзей стояли рядом и то ли отговаривали подругу, то ли просто смеялись над ней.

— Ирла, ты же говорила — это легко, — с иронией заметил высокий.

— Лечить я тебя не стану, — добавил кудрявый. — Боишься теперь?

Сарион первым заметил свою компаньонку и хитро подмигнул чёрным глазом. Лира прекрасно знала его уловки: грифон мог выжидать, а потом «случайно» сбросить седока. Так он поступал во время их тренировок. Только Лира умела группироваться, и его шутки помогали ей развивать реакцию. Поэтому, когда Сарион сделал первый шаг, расправляя перепончатые крылья, она окликнула его:

— Сарион, нельзя!

Окрик Лиры испугал Ирлу, и девчонка неуклюже завалилась на землю, вызвав взрыв смеха у друзей. Парни тут же помогли ей подняться, не оставляя шуточных подначек.

С этого началось их знакомство. Высокого звали Зильвером, но сокращали до Зи. Кудрявого — Вайларом, а между собой звали Вайлом. Они провели вместе время от обеда до позднего вечера, и Лира пообещала Ирле, что Сариион обязательно её покатает.

Компания друзей оказалась родом из Гринки, как и владелец трактира. В отличие от Эммы и Афора, они заплатили Субрану за проживание, а он, в свою очередь, за ними присматривал. Новые знакомые охотно рассказывали о себе и, похоже, были не против принять её в компанию. Лира предполагала: об этом их мог попросить сам Субран. «Раз разрешил им посмотреть на Сарииона. Вероятно, поделился информацией, что фамильяр принадлежит их ровеснице, которая прибыла в Элдон одна и никого ещё не знает». Довольный трактирщик, наблюдавший за оживлённой молодёжью у седьмого столика, невольно подтверждал её догадку.

115-й день 3399 года.

Ещё перед началом путешествия Лира наметила себе цель завести приятелей того же возраста, в идеале — найти настоящих друзей. В Элдоне предстоит много общаться с новыми людьми, подстраиваться и иногда притворяться, дабы наладить контакты. И хоть этот процесс приносил ей удовольствие, помогал раскрепоститься, каждое знакомство давалось с трудом. Ей чудилось: все видят её фальшь и чужеродность. Оставаясь одна или в момент общения с кем-то, Лира не могла избавиться от тревожных мыслей. Они подрывали её уверенность и желание продолжать диалог. Девушка не сдавалась, зная: замкнётся в себе, и вся пройденная адаптация будет напрасна.

Лира улизнула из трактира и направилась на большую площадь без шумной компании. Ей требовалось побыть одной. Сразу за ярмаркой и закусочными возвышался старинный арочный свод из белого камня. Судя по табличке, его возвели почти две тысячи лет назад. Основания арки украшал мозаичный орнамент, а на полукруглом фронтоне графично вырезано по камню заходящее за горизонт Риджуло. Местное солнце садилось именно на юге, поэтому изображения заката тут доводилось увидеть чаще, чем розы.

Лира минула арку и направилась напрямик к краю. Уже видя, как небо неестественно искажается, будто находишься перед обрывом на высокой горе, невольно замедлила шаг. Впервые она находилась рядом с барьером. «Насколько он тонок?» В памяти народа Афадеуса свежи страшные воспоминания сорокалетней давности. Тогда недалеко от Идит, на севере, защитное поле прорвали твари Хизлавура и беспощадно ломанулись в глубину. Их называли Фуями. И страх людей перед ними всё ещё силён.

Каждый раз, размышляя об этой трагедии, к ней возвращалась одна и та же мысль: «Могли кто-то помочь им изнутри?» Ей не верилось, что иллюзорное небо легко сломать. Но сейчас... Поле казалось невероятно тонким. «А если, Великие маги не предполагали, что монстры сумеют настолько высоко взлететь?».

Секунду назад вдали рдело закатное небо, а спустя пару шагов вперёд — ничто. Лишь туман. Многие кто стоял тут — также смотрел издали, боясь подойти вплотную. Большинство из людей наблюдали работу иллюзии впервые. Другие, наверное, привыкли, или не хотел задаваться вопросами, на которые ни у кого нет ответов. Трудно жить каждый день с мыслью, что каждое созвездие в ночном небе — всего лишь симуляция.

Лира их понимала. Внутри неё тоже бурлили непонятные чувства, в том числе страх перед необъятным и лживым небом. «Они тоже чувствуют это, глядя на меня? Моё существование — обман. Небо — обман». Мысли вспыхивали, гасли и рождались вновь, захлёстывая сознание клубящейся тьмой. Как мрачный серый туман впереди. Время для Леры остановилось, она не замечала людей, тяжесть в ногах и резь в глазах.

«Фальшивка, подделка... Неужели это небо создал Афадеус? Тогда, что я могу ему предложить? Зачем я ему? Такая же пустышка, подобно его небу».

— Иногда отсюда видно Онлу, — Лира вздрогнула, услышав голос совсем рядом.

Ей протянули платок, и она почувствовала тихие слёзы, заставшие холодными дорожками на щеках. Рядом стоял молодой мужчина, хотя за маской мог скрываться кто угодно.

— Некоторые лучи прорезают туман... — он замолчал, глядя в бескрайнюю бездну. — Единственное настоящее в этом небе.

— Благодарю, — Лира промокнула влажные щёки и убрала платок в карман. — Не знаю, что на меня нашло. Нахлынуло...

По этикету высшего общества возвращать платок не полагалось. Простая вежливость не требовала оставаться в долгу. А Лира не сомневалась: перед ней аристократ. Длинные тёмные волосы, собранные в низкий хвост, дорогие туфли и одежда с магическим плетением служили ярким подтверждением его статуса.

— Меня зовут Вилш. А вас?

— Лира.

— Хочешь потрогать поле? — Мужчина пнул маленькую гальку. Та отскочила от обрыва, словно от стены, и он махнул рукой. — Иногда становится легче, когда чувствуешь её прочность. Пока просто смотришь — остаются сомнения.

— Когда-то её повредили... — заметила Лира, протянула руку и коснулась пальцами невидимой глади. «Мы будто в снежном шаре», — ощутив холод стекла, в голову пришло неприятное сравнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.